Текст · 29 февраля 2024, 09:06
Дмитрий Швец, Сергей Голубев,

«Я сказал, пошли в жопу — и ушел». День дезертира на «Медиазоне»

Антивоенный проект «Идите лесом» объявил 29 февраля Днем дезертира. «Нас пытались убедить, что дезертиры — это предатели и слабаки. Мы с этим не согласны. Сейчас когда российская армия несет лишь разрушение, отказ от службы становится жестом храбрости и любви к своей стране», — пишут правозащитники. «Медиазона» охотно присоединяется к их инициативе и рассказывает о тех, кто отказывается участвовать в преступной войне, и о тех, кто им помогает.

Проект «Идите лесом» помогает потенциальным фигурантам уголовных дел о самовольном оставлении части[1] или дезертирстве[2] — тем, кто принял решение не участвовать в войне.

Основатель проекта Григорий Свердлин десять лет руководил приютом для бездомных «Ночлежка», а после начала войны уехал из России.

По его словам, «Идите лесом» уже помог дезертировать 520 военным — Свердлин отмечает, что примерно 70% из них выехали за границу, а оставшиеся продолжают скрываться в России. Всего за два года войны в проект, говорит он, поступило больше 24 тысяч обращений, из них 2 086 касались именно дезертирства и нелегального перехода границы.

Свердлин рассказывает, что январь 2024 года стал рекордным — «Идите лесом» получил 284 обращения, связанных с дезертирством. Для сравнения: в январе 2023-го таких было всего 28.

Примерно половина потенциальных дезертиров, по оценкам «Идите лесом», это контрактники, подписавшие договор уже после начала войны, 10% — до войны, 30% — мобилизованные.

«Контрактники — это не всегда добровольцы, подвергшиеся пропаганде или вербовке, это еще и насильно переведенные на контракт срочники», — уточняет Свердлин.

«Почему они пишут нам: насмотрелись ужасов на войне, увидели отношение к людям как к расходному материалу и пушечному мясу, поняли, что они воюют не против "фашистов", что то, что им говорили по телевизору — ложь. У них часто до службы были непризывные болезни, что абсолютно никого не смутило, — продолжает правозащитник. — Они пишут нам сейчас, потому что не знали про нас, не знали, к кому обратиться, не знали в целом, что у них есть возможность написать тому, кто вытащит их с войны».

Другая распространенная причина дезертирства, говорит Свердлин, это отсутствие ротации — военные постепенно теряют надежду выбраться с фронта.

Как становятся дезертирами — два примера

Проект «Идите лесом» передал «Медиазоне» аудиозаписи разговоров с двумя мужчинами[3], которые обратились за консультациями — сейчас оба покинули Россию.

Один из них — сирота, отслуживший в армии по призыву, а потом заключивший контракт, который истек в 2019 году. К началу мобилизации он работал барменом в столице одного из российских регионов. Потом ему принесли повестку, и он попал в город Счастье в оккупированной Луганской области.

«Первая задача — мы там чуть сразу все не полегли. Я сразу понял, куда я попал, все представления рухнули. Мы приехали под Кременную в декабре. Новый год провели в окопах. Нас привезли в открытое поле, на земле начертаны квадратики — копайте здесь окопы. Чтоб вы понимали, мы даже окопаться не успели, по нам начали херачить. Я не понимаю — если впереди наши, то кто по нам стреляли?! Наш взвод еще бросили, я их сам выводил», — вспоминает бывший бармен.

Год он провел на фронте и теперь рассказывает, что за неделю под Работино Россия потеряла целую дивизию. Однажды, когда возле позиции минометчиков загорелся лес, бармена с другими мобилизованными отправили тушить пожар саперными лопатами — но по дороге случилась авария, машина перевернулась, и он сломал ребро. Ему выдали бандаж и вернули на передовую; там он

получил новую травму — теперь, по словам молодого человека, у него «вся бочина переломана». Однажды на его состояние обратили внимание командиры.

«Говорят, ну, давай иди назад. Куда? На дворе ночь, я даже не знаю, куда мы заходили. Кое-как дошел под обстрелами, дополз километра полтора. Командир сказал ждать, машину вызывать не будут». Добравшись в итоге до точки эвакуации, бармен попал в госпиталь, после получил 30 суток отпуска и дезертировал.

Другой доверитель проекта — 50-летний сельский житель с юга России, работавший экспедитором — вспоминает, что глава поселка вызвал его к себе и сказал, что «нашел ему работу». Там уже ждал сотрудник военкомата.

«Обещали, что буду работать по гражданской линии — я согласился, надо было подписать контракт, но работать на стройке, никакой СВО. Я повелся. Вроде бы один представитель военной организации, второй — представитель нашей власти. Сомнения были, но все было быстро-быстро, нас трое было, расписались и все, рабочий день заканчивался. А когда на следующий день привезли в часть, я понял, что меня просто надули», — признается экспедитор.

До фронта он не доехал: в учебке подорвался на взрывпакете и получил термический ожог. В медсанчасти от других раненых мужчина узнал, что многим из них в военкомате тоже обещали работу повара или слесаря в тылу.

Вернувшись с лечения, экспедитор хотел отпроситься ненадолго домой, но его не пустили.

«Я сказал, пошли в жопу — и ушел сам», — рассказывает мужчина. Вскоре его задержала военная полиция. Он вспомнил о язве и попытался добиться увольнения по состоянию здоровья — не получилось. По его словам, пока он лежал в госпитале, военный следователь по фамилии Жеглов принес ему обвинительное заключение по делу о самовольном оставлении части.

«Я говорю, сажайте меня. Нет, мы тебя не посадим, мы тебе дадим условный — только ты на суде говори, как мы скажем, что ты каешься, готов искупить свою вину, и ты опять будешь продолжать служить», — вспоминает экспедитор.

Ожидая суда, он обратился в «Идите лесом», и правозащитники помогли ему выехать за границу.

Дезертиры в суде — статистика

Оставаясь в России, бывшие военные, которые решили порвать с армией, часто оказываются на скамье подсудимых. Количество уголовных дел о преступлениях против военной службы после начала полномасштабного вторжения в Украину растет с небывалой скоростью.

В 2022 году в суды поступило 1 001 дело по самой популярной «воинской» статье — 337 УК (оставление части). Это в полтора раза больше, чем в довоенном 2021-м.

В 2023 году таких дел было уже 5 092, а в январе 2024 года российские силовики поставили исторический рекорд: 644 дела только за один месяц — и это с учетом новогодних праздников. С начала года в суды поступило уже 1 234 дела[4] по статье 337 УК.

При этом за самовольное оставление части суды часто назначают условные сроки — это позволяет отправить осужденного не в колонию, а обратно на фронт.

В делах по статье 338 УК (дезертирство) тренд еще заметнее: 25 дел в 2022 году, 156 — в следующем, и уже больше половины от этого числа (82) всего за два месяца 2024-го.

Всего с начала мобилизации в суды поступило 6 308 дел о самовольном оставлении части (по 5 230 вынесены решения) и 194 о дезертирстве (решения вынесены по 134).

Юрист и правозащитник Сергей Войнов сказал «Медиазоне», что дела по менее тяжкой статье 337 УК следователи возбуждают куда чаще не только ради условного срока и отправки осужденного на фронт, а еще и потому, что вину в таких делах проще доказать в суде.

«По 337 умысел — временно нарушать правила пребывания на военной службе, а по 338-й — полностью уклониться. Сложнее обосновать, что военный хотел навсегда оставить службу», — объясняет Войнов.

Другая популярная «воинская» статья — 332 УК (неисполнение приказа). Всего пять дел в 2022 году, на следующий год — 428, а за первые месяцы текущего — уже 84 дела, поступивших в суд. По этой статье обычно судят за отказ отправляться на фронт, до войны эта статья почти не применялась.

Embedded content is unavailable in PDF

«Нет задачи, чтобы был вынесен приговор. Задача ломать человека, чтобы он соглашался на войну»

Судя по опубликованным приговорам, дезертиры часто попадают в руки военной полиции из-за того, что, бежав с фронта, продолжают пользоваться своими мобильными телефонами и банковскими картами. В одном случае дезертир устроился работать таксистом и зарегистрировался в «Яндексе».

Однако вернуться домой с войны становится все сложнее. Как писала «Медиазона», в июле 2022 года несколько десантников просто уехали с фронта в Россию, а сотрудники ФСБ и военной прокуратуры даже не пытались их остановить, потому что были «в афиге» от рассказов солдат о происходящем.

Но позже на прифронтовых оккупированных территориях получила широкое распространение практика «зинданов» — секретных тюрем или просто ям, где «отказников» держат до тех пор, пока они не согласятся вернуться на передовую. Координатор Движения сознательных отказчиков от военной службы Геннадий[5] рассказывает, что к зиме 2024 года контроль на фронте стал таким строгим, что дезертирам без посторонней помощи теперь очень сложно вернуться в Россию.

Часто беглецы, если у них есть деньги, снимают квартиры в Донецке, но невозможно заранее знать, сколько тебе придется прятаться от военной полиции. По словам Геннадия, для попавшихся дезертиров суд и колония— исход скорее благоприятный, но редкий.

«Там действует 121-й военно-следственный отдел. Его адрес нигде публично не указан, и у них есть какое-то специальное подразделение, которое занимается самовольным оставлением части. Насколько я понимаю, там огромное количество рапортов и может быть даже возбужденных дел, но они не заканчиваются судами — как я понимаю, у них нет задачи, чтобы был вынесен приговор, а есть задача ломать человека, чтобы он соглашался участвовать в военных действиях снова. Эти действия, к

сожалению, варварские — когда человека ловят, его даже не в следственные органы ведут, а в часть, где заставляют соглашаться на войну», — рассказывает координатор Движения отказчиков.

Как поддержать «Идите лесом»

Патреон: проекту можно донатить с иностранных карт — Visa, Mastercard, Apple Pay, Paypal
Paypal (поддержать разово): grinogij@gmail.com
Bank of Georgia: GE44BG0000000534018483
Sverdlin Grigory
ERC20 & BEP20:
0-
x387C5300586336d145A87C245DD30f9724C6eC01
TRON:
TXfNyh5qpvRnhMab7FM6gqqgBuy2JDUqcR
BTC:
bc1qrjpgv0nfadxegtgng87c4w85dh0frnnzzzfrvg

Известен случай, когда контрактника из-за отказа от участия в боях обвиняли в неисполнении приказа (332 УК), однако суд прекратил дело, потому что он согласился вернуться на войну.

Иногда отказников и беглецов просто удерживают в части. В феврале 2022 года жителя оккупированного Шахтерска, инвалида III группы Владимира Фролова мобилизовали военкомы самопровозглашенной ДНР. Он получил ранение, но командиры требовали вернуться на фронт — Фролов на костылях пришел в часть, его заперли, в октябре он сбежал, а в конце января был задержан.

«Его забрала военная полиция. Сейчас он на Петровке в в/ч, над ним издеваются, заставляют подписывать контракт и говорят, что отправят его в штурм. По бумажке он "доброволец", хотя он ничего не подписывал, присягу не принимал, военный билет ему не выдавали. Я узнала, что ему уже нашли военную форму и что он уже в штурмовиках», — рассказала изданию Astra его жена Анна.

Юрист, помогающий Фролову и попросивший об анонимности, сказал «Медиазоне», что военное следствие не интересуется мобилизованным инвалидом — на него даже не пытались завести уголовное дело.

«Его удерживают именно в его части, его определили в штурмовики. Им нужен солдат больше, чем дело», — объяснил он.

Редакторы: Максим Литаврин, Дмитрий Ткачев

1. Статья 337 УК.

2. Статья 338 УК.

3. «Идите лесом» не собирает личные данные своих доверителей.

«Медиазоне» неизвестны их настоящие имена.

4. Данные на 27 февраля 2024 года.

5. Имя изменено по просьбе собеседника «Медиазоны».